

М. П. Жигалова (Брест)

**ОТРАЖЕНИЕ МУЛЬТИКУЛЬТУРНОСТИ
В РУССКОЯЗЫЧНОЙ ЛИРИКЕ БЕЛАРУСИ (НА ПРИМЕРЕ
ТВОРЧЕСТВА И. КОВАЛЕВИЧА И Л. КРАСЕВСКОЙ)**

В Беларуси, особенно в последнее время, на государственном уровне особое внимание уделяется вопросу формирования мультикультурной личности [1; 5], в том числе и средствами литературы, которая развивается как явление многовекторное.

Среди прочих национальных литератур, функционирующих в нашем государстве, особое место занимает русскоязычная литература, т. е. литература, созданная художниками слова, живущими в Беларуси (кстати, не только этническими русскими, но и белорусами, поляками, украинцами и др.), но пишущими на русском языке.

Русскоязычные поэты Беларуси органично вписываются в контекст мировой литературы [3], отражая широкий спектр тематики и проблематики: «прошлое и будущее», «связь времен», «единство природы и внутреннего мира человека», «смысл жизни», «духовный мир человека и чи-

стота человеческого бытия», «единство славянства» – темы, проходящие сегодня сквозь всю разноголосую ткань поэтической современности.

Проследим, как отражается мультикультурность, т. е. разные культуры, в судьбе и творчестве русскоязычных поэтов Беларуси, членов Союза писателей Л. Красевской и Н. Ковалевича, и проанализируем некоторые произведения, учитывая дотекстовую фоновую информацию, сильные позиции и т. д. [4]. Творчество поэтов убеждает читателя: человек и в мультикультурном пространстве остаётся главной фигурой Мироздания, а проникнутая идеей гуманизма христианская вера – основой формирования личности. Они отразились и в творчестве белорусской поэтессы-брестчанки Любови Красевской¹. Вся жизнь моя – хождение за границы... Такие строки можно предположить её последнему сборнику «На два голоса» [9]. Название символично и тесно связано с судьбой поэтессы, её пониманием мультикультурности.

Л. Красевская всегда была в гуще культурной жизни России, Беларуси, а позже и Европы. Это давало ей возможность постигать философию жизни россиян, белорусов и европейцев, формировать представление о счастье и смысле жизни, о вечной и верной любви, о чести и достоинстве, петь о родине и её народе, истории и традициях. Стихи поэтессы в этом сборнике объединены одной концепцией: «На то она и судьба, чтобы понимать на всяком наречье» (И. Бродский). Поэтесса и сама признаётся в этом в своём стихотворении «По-русски»:

*Я родилась на том материке,
Куда упал метеорит Тунгусский.
Я говорю на польском языке,
А думаю... а думаю – по-русски.*

*Судить не стоит по одной строке –
Я в ней не вся, а только мыслей сгустки.
Пою на белорусском языке,
А думаю... а думаю – по-русски.*

*Груз бытия... а к Богу – належке
На круг общенья избранный и узкий.
Молилась на церковном языке,
А думала... а думала – по-русски...*

¹ Л. Красевская – участница форума молодых поэтов Сибири (Красноярск, 1988), обладатель литературной премии журнала «Новый берег» (Копенгаген, 2007), делегат Всемирных конгрессов соотечественников в Москве (2001) и Санкт-Петербурге (2006), лауреат IV Международного фестиваля художественного творчества соотечественников «С Россией в сердце» (Смоленск, 2007), участница всебелорусских фестивалей национальных культур в Гродно (2004, 2006, 2008), лауреат I Международного фестиваля российских соотечественников зарубежья «Русская песня» (Москва, 2007), победитель Международного конкурса поэзии российских соотечественниц, проживающих за рубежом, «Мир – твоя колыбель» (2009, Висбаден), организатор трёх Международных фестивалей русской поэзии в Бсларуси (2006, 2007, 2009), член Союза писателей Беларуси.

Первая часть «Две Родины» открывается одноименным стихотворением, которое является исповедью человека, волею судьбы оказавшегося вдали от своей этнической Родины. Ностальгические чувства приобретают в стихотворении дискурс философских рассуждений, размышлений о вечности прекрасного чувства патриотизма, верности родным пенатам, счастье свободы.

*Вспоминаю тебя... Кто тоскою по Родине лечится?
Ну, за что мне такая, такая зачем маята?
Я ответа прошу. Ностальгия – плохая советчица
Тем, кто в жизни меняет своих обитаний места.*

Поэтесса уверена, что именно на родине черпает человек истоки сил душевных. И где бы он впоследствии не жил, всё равно душа его остаётся здесь, в родных пенатах. И в то же время Л. Красевская с любовью и нежностью говорит о Беларуси, Польше, Германии. Несмотря на то, что Беларусь стала второй родиной поэтессы («...пою о тебе задумчиво, моя Беларусь!») и с ней связывает она свою надежду на будущее, всё же второй Родине отдано только сердце, а душа осталась в Сибири. В стихотворении «В Хакасской степи...» Л. Красевская пишет:

*О, Белая Русь! Я теперь в твоих нервах и жилах,
И мне лицемерить некстати и не по годам.
Я сердце своё, пока бьётся, пока не остыло,
Тебе, с покаянной любовью, всецело отдам...
.....
А душу, в Сибири которую чуть не сгубила,
Я всё же оставила, всё же оставила там.*

В стихотворении «Посмотри мне в глаза...» Л. Красевская справедливо замечает, что «...если есть у тебя две Родины – // То покоя нет ни в одной».

Гордо звучат откровения поэтессы о том, что родина и любовь – это и есть две половинки, составляющие человеческое счастье. Она убеждена, что ни время, ни расстояние не властны над этим чувством. Не удивительно, что основу творчества поэтессы составляет восприятие мира в философских категориях: что есть Родина, Любовь, Женщина; что есть сиюминутность и вечность Мироздания, Бытия.

Поэтесса говорит о культуре России, Беларуси, Польши, Германии, Эстонии, используя соответствующие языковые элементы. Так, в стихотворении «Влодавское направление» перед читателем предстаёт белорусско-польское Пограничье, полиэтнический народ, его населяющий, слышен специфический язык с многоликим диалектом, такой близкий белорусам и полякам, представлена специфическая культура, в которой давно переплелись обычаи и нравы, традиции белорусского, польского,

украинского и русского народов. Поэтесса подмечает, что, несмотря на разность культур, это мультикультурное пространство всё же сумело сохранить главное – единство душ, которое не ведаёт границ... К такому выводу приходит и читатель, знакомясь со стихотворением поэтессы:

*И я теперь легко и беззаботно
Судить не смею о земном пути –
Там жизнь сама укладывает плотно
И век, и день, чтоб их переплести.*

*Переплавлились разговоры народа
Веками – в уникальные слова.
А через Буг – ни мостика, ни брода...
Страна другая – общая молва.*

*Всё те же «piaski», «laski» i «karaski»
Всё тот же ветер на две стороны
Осенние разбрасывая краски,
Предзимние окрашивает сны...*

*Вновь через реку видится мосточек,
Когда ещё не ведали границ...
По-над водою кружится листочек –
Одна из непрочитанных страниц.
Великой книги о великом прошлом.
Неясный зов мне душу бередит.
Нет очевидцев.
Кто будет допрошен?
Открытия какие впереди?*

Есть в её книге произведения, в которых мультикультурный пласт велик и находится в подтексте. Но есть и такие, как, например, стихотворение «Alles gut!», которые почти целиком построены на культурологическом материале и иноязычных элементах.

*Alles Gute, danke, heute, braun –
Притесняю свой язык родной.
Говорите, bitte, deutsche Frau,
Только, если можно, не со мной.
.....
Голубыми водами Donau
Алую студила в жилах кровь.
Deutscher Mann und auch deutsche Frau,
Я дарю вам память про любовь.*

Интеръязык и интеркультура создают в стихотворении особую атмосферу – радости и полёта души. Ведь известно, что языковых границ не существует для того, кто хочет быть понятым сам и стремится услышать и понять другого, ибо все души говорят на одном языке. И здесь читатель испытывает ощущение единения всех народов, потому что, несмотря на разные наречья, единым остаётся для всех народов язык души.

*В мире Мефистофель есть и Фауст
И не Гёте в этом виноват.
Пусть хранит Господь Вас, deutsche Frau,
И виват, Германия, виват!*

Поэтесса уверенна, что все люди мира, женщины всех наций и народов, – немки, польки, белоруски, русские, просто хотят быть счастливыми:

*Две страны сошлись на Kuppelbau –
Интересы женщин всех времён.
Швабские арийки, deutsche Frau
И славянский женский наш бомонд.*

В стихотворении «Женщина» Л. Красевская сравнивает женщину и с благоухающим цветком, и с объектом восхищения для поэта, и с истоком любви, без которой померкнет жизнь.

*Бог создал Еву из ребра
(На то, конечно, есть причины).
Рожденьем жизни и добра
В руках надёжного мужчины.
Благоухающий цветок.
Поэту – трепет вдохновенья.
Возвышенной любви исток
В веках. От миротворенья.*

Художественное произведение у Л. Красевской является тем межкультурным медиатором, который помогает читателю формировать картину мира. Чужая, в данном случае немецкая, речь присутствует здесь не как фон, а как элемент немецкой культуры, с которой поэтесса была знакома.

Обращается Л. Красевская [9] и к тайне женского обаяния как к символу счастья и надежды, веры в великое предназначенье человека на земле. Кажется, что поэтесса входит в духовную биографию читателя, становится его постоянным собеседником, помогая своим творчеством каждому находить ответы на сложные вопросы бытия. Более того, чем дальше уводит поэтесса от нас время реальное, тем масштабней и объёмней становится поднимаемая проблема. Поэтому, читая произведения Л. Красевской, которые отражают всю сложность женского мировоспри-

тия, понимаешь, как переплелись в нём людские судьбы, славянские миры, их культуры.

Знакомя читателей с христианской культурой и постигая её, Н. Ковалевич [6–8] как носитель белорусского этноса трансформирует и интерпретирует её, привнося в произведения элементы не только белорусского мировидения, но и фрагменты инонациональной культуры. Для поэзии Н. Ковалевича [2] характерна устремленность в духовно-культурную сферу, игра со словами и смыслами, религиозная символика. Не удивительно, что картина мира и поэтический дух стихов Н. Ковалевича всецело стоят под знаком религиозного начала – преображения, сочетающего религиозное просвещение с простотой, трезвостью, смиренным и любовным благоволением ко всему живому, как творению и образу Божию. В стихотворении «Суровый грим безмолвия...» он пишет: *Суровый грим // безмолвия // людского // Стоически // прими, // чтобы понять, // Как // из неверья // воскрешают // Слово, // Несущее Господню благодать*¹. Первый и основной мотив поэта – есть религиозное восприятие самой поэзии и сущности поэтического вдохновения, которое является одновременно и религиозным откровением, и благодарностью Творцу. А вдохновение всегда определялось тем, что «божественный глагол» касался «слуха чуткого» поэтов. Справедливо замечено, что поэт является лишь «переводчиком» с языка Небесного на язык Земной. Именно поэтому с особой силой звучит в стихотворениях Н. Ковалевича высокая благодарность Господу за возможность творить: *За всё Тебя, // Творец, // благодарю. // За тихую молитву и зарю, // За жизнь мою в несбывшемся раю, // Ещё за то, что // Родине пою.*

Картина мира дополняется мыслью о том, что всегда существует связь нравственного сознания и нравственного очищения души с сознанием религиозным. Поэт на основании внутреннего опыта приходит к выводу, что человек живёт, чтоб «мыслить и страдать», но при этом он требует от себя, чтобы его душа была чиста (стихотворение «Когда расскажут...»). Такое видение означает просветление души, любовь к Отчизне и благоговение к людям и миру.

Развитие нравственного сознания прослеживается и в стихотворении «Преображение». Лирический герой здесь переживает гамму чувств: от тяжких, безысходных угрызений совести к тихой сокрушённости и светлой печали. Заметим, что духовность лирического героя Н. Ковалевича многогранна, но не расплывчата: она воспринимается как солнечный гений мировой духовной культуры. Предвидя те тупики, к которым приводит бездуховность («*Будь Пушкиным – найдутся и Дантесы... Исполненные зависти и спеси*»), Н. Ковалевич устами своего героя утверждает, что и сегодня вера представляется той вполне объективной реальностью, которая и эстетически, и нравственно, и духовно воздействует и укрепляет человека в истине, добре, красоте, милосердии. Победив соблазны

¹ Здесь и далее цитируются стихи, взятые из сборников, обозначенных в литературе [5–10].

и искушения, свойственные человеческой жизни, заблуждения своей эпохи, вера утверждает удивительные, бессмертные результаты. К её истокам обращается Н. Ковалевич как к символу борьбы за очищение души, символу надежды, веры в великое предназначение человека на земле. Она входит в духовную биографию каждого читателя, созданную им картину мира, является его постоянным собеседником, помогая находить ответы на сложные вопросы бытия. Более того, сегодня вера становится всё масштабней и объёмней. Возможно, что только сейчас мы начинаем по-настоящему узнавать и ценить её значимость. Поэтому, читая произведения Н. Ковалевича («Как берегам омывши ноги», «Верую», «Переболел игрою», «Будь Пушкиным...», «Читая Пушкина»), понимаешь, как переплелись в них проблемы смысла жизни и смерти, добра и зла: *Не излечима // ревность, // Не утолима // алчность, // Не обольстима // верность, // Не отразима // мрачность... // Не примирима // честь, // Не уличима // месть, // Не упредима // лесть, // Не обратима // весть, // Не вразумима // страсть, // Не проходима // твердь, // Не разделима // власть, // Не отвертима // смерть.*

Лирический герой стихов Н. Ковалевича часто не только мечтает о счастье, но и ощущает его полноту, погружаясь в размышления о жизни, о нормах человеческой морали и вечности бытия. В стихотворении «Глазами Зависть не стреляй...» Н. Ковалевич чётко сформулировал своё понимание философии жизни, внутреннего мира человека, ответственности его за содеянное. Поэт предостерегает читателя от разрушительных жизненных пороков: зависти, праздности, фальши, измены и трусости: *Глазами Зависть не стреляй, // Словами Светскость не встречай, // В бокалы Праздность не вливай, // И руку Жадность не давай, // Дверей Обид не отворяй, // И грамот Фальши не вверяй, // Цветов Измены не расти, // Устами Трусости не льсти.*

Мы видим, что поэт, представляя читателю свою картину мира и философию жизни, стремится не к эстетизации осмысления жизни, а к тому, чтобы раскрыть в стихах некое вечное, вневременное нравственно-психологическое состояние внутренней жизни человека.

В творчестве Н. Ковалевича проявляется особый интерес и к миру устройства общества, и к его влиянию на развитие культуры, традиций, цивилизаций. В стихотворениях («Мы из времени выпали...», «Ода Храму», «Завтра вербу осветят...», «Преображение», «Успение», «Крестовоздвижение» и др.) автор открывает перед читателем картину славянской культуры: её традиций, нравов, обычаев, в которой чётко выделяется картина двух миров. Мира внешней красоты и мира жизни духовной, нарисованной поэтом с поразительной яркостью и достоверностью. Поэт убеждён, что отсутствие у человека ясной жизненной перспективы порождает всеобъемлющий скепсис, неверие, крушение нравственных идеалов. Потому столько внимания он уделяет формированию гражданского мужества, мудрости, религиозной терпимости и гуманного отношения

к человеку, потому что человеческая личность есть самая важная и неповторимая ценность в Мироздании.

Поэта волнуют и пути возрождения тех духовно-нравственных принципов, которые составляют основу здоровой жизни любого общества. Поэтому философские проблемы: сущность и смысл жизни, любовь к Родине являются морально-психологической доминантой картины мира в поэзии Н. Ковалевича. Лирический герой, наделённый чертами жертвенности, непокорности, отдаёт предпочтение душевным мукам, жизненной борьбе над пассивной покорностью судьбе.

Картина мира дополняется пониманием морально-этических, общественных, эстетических проблем, таких как: культура и цивилизация; полифония культур; служение художника своему народу и Отечеству; слава и признание; учитель и ученик; самосознание человека как существенная закономерность в сложной системе взаимоотношений человека и окружающего мира; внутренние потенции человека, многозначность его психологического и интеллектуального мира. Воспитанный на традициях русского реализма, Н. Ковалевич тянется к культурам не только славянским, к культуре Российской, в частности («Читая Пушкина», «На гордости робкий поклон...», «Хочу придти в твои объятия...», «Я снегом гошу у России»), но и западноевропейским. В них лирический герой находит понимание осмысления и изображения жизни, стремящейся к гуманным духовным целям, которые помогают человеку осознать смысл и назначение высших моральных ценностей, а также определить своё место в семье, обществе и Мироздании.

Таким образом, проанализировав только отдельные страницы русскоязычной лирики двух поэтов Беларуси, мы видим, как отражена в них мультикультурность, способствующая усвоению основных концептов, которые основаны на понимании того, что человеческая личность – главная фигура Мироздания и что духовность есть солнечный гений любой культуры для всех времён и народов.

Список литературы

1. *Арошидзе, М. В.* Мультикультурная личность в современной Грузии / М. В. Арошидзе // *Nauczanie Języka rosyjskiego studentow na kierunkach filologicznych i niefilologicznych.* – Варшава, 2010. – С. 13.
2. *Жигалова, М. П.* Русскоязычная лирика Беларуси: жанрово-тематическая и стиливая парадигма / М. П. Жигалова // *Русский язык и литература.* – 2010. – № 3. – С. 33–40; № 4. – С. 3–6; № 5. – С. 8–16.
3. *Жигалова, М. П.* Специфика изучения русской словесности в высшей школе Германии (на примере Института Славистики университета имени Гумбольдта в Берлине) / М. П. Жигалова // *Nauczanie Języka rosyjskiego studentow na kierunkach filologicznych i niefilologicznych.* – Варшава, 2010. – С. 120–127.
4. *Жигалова, М. П.* Интерпретация и анализ в литературе: теория и методика / М. П. Жигалова. – Брест, 2008. – 225 с.
5. *Жигалова, М. П.* Немецкие страницы жизни и творчества русских поэтов-эмигрантов XX века в мультикультурном образовательном пространстве / М. П. Жигалова. – Яссы, 2010. – 166 с.

6. *Ковалевич, Н. И.* Янтарное солнце. Стихотворения / Н. И. Ковалевич. – Брест, 2006. – 198 с.
7. *Ковалевич, Н. И.* Благовестные свечи. Стихотворения / Н. И. Ковалевич. – Брест, 2007. – 234 с.
8. *Ковалевич, Н. И.* Ветроград обрётённый. Стихотворения / Н. И. Ковалевич. – Брест, 2009. – 566 с.
9. *Красевская, Л. Н.* На два голоса. Стихи и поэма / Л. Н. Красевская. – Брест, 2009. – 111 с.
10. Созвучье слов живых – 2007: сб. стихов / сост. Л. Красевская. – Брест, 2008. – 140 с.
11. Созвучье слов живых: сб. стихов / сост. Л. Н. Красевская. – Брест, 2008. – 156 с.
12. Созвучье слов живых – 2009: альманах / сост. Л. Красевская. – Брест, 2009. – 240 с.